

Сын: «Я хочу уехать отсюда. Меня трясет от этих людей. Это же просто вонючее болото!».

Отец: «Если никто не станет его осушать, болото навсегда останется болотом».

(Из рассказа лауреата Нобелевской премии Ицхака Башевиса-Зингера «Маленькие сапожники»)

«БЕЛАЯ ВОРОНА»

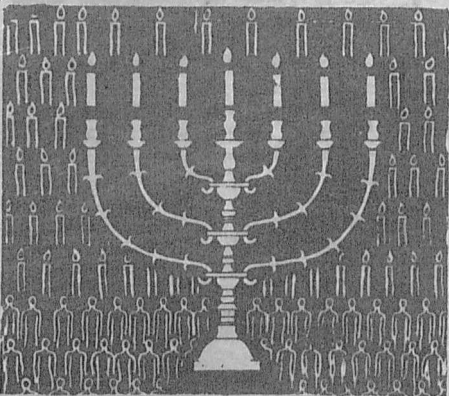
Гордый профиль, напоминающий Мейерхольда. Резкие, угловатые манеры. Речь проповедника, перемежающаяся терпкими русскими выражениями. Стабильное состояние боксера, готового отразить резкий удар. Таков в самых общих чертах «портрет» создателя, художественного руководителя, директора и ведущего артиста «Мазлтов» Георгия Мельского.

Узнав его поближе, я поняла, как

Художественный руководитель киевского еврейского театра «Мазлтов» Георгий Мельский считает, что реплика Отца — лейтмотив будущего спектакля, в основу которого положена инсценировка прозы известного во всем мире еврейского писателя. «Маленькие сапожники» — новая работа «Мазлтов», которому пошел четвертый год. «Ребенок» довольно крепко стоит на ногах — объездил со спектаклями всю Украину, провел аншлаговые гастролы в Санкт-Петербурге, Варшаве и Кракове, стал лауреатом Международного фестиваля еврейских театров в Бухаресте, «кободя» труппы из Мексики, США и Израиля. «Мазлтов» не избалован вниманием прессы, хотя в одной статье было отмечено, что «рождение театра знаменует начало возрождения еврейской культуры».

КТО ОСУШИТ БОЛОТО?

он раним и незащищен, а внешняя агрессивность и «кавалерийские наскоки» на собеседника — просто средство самообороны.

Биография Мельского типична для «бомжа от культуры»: с первого курса университета отчислен за вольнодумство, работал слесарем, учился в музыкальной школе, играл в ресторанных оркестрах; закончив Институт культуры, организовал ансамбль «Фрейлехс», с которым исколесил всю страну. В 1988-м снова начал с нуля: на пустом месте, не имея НИ-ЧЕ-ГО, создал еврейский театр, первый на Украине с послевоенных времен. Почему именно в Киеве? «Да потому, что я здесь живу и хочу, чтобы в моем родном городе обрела себя еврейская культура. Я — за национальное достоинство, но против национализма. Я — за мировое гражданство, но не за безродность. В идеале театр должен быть вне политики, но если на театре строят политику, то почему не заняться этим самому? Я не столь наивен, чтобы думать, что художник способен в одиночку изменить жизнь, но влиять на нее может и должен. Ныне такое время, что занимать пассивную позицию, выжидать — смерти подобно. Именно сегодня, сейчас, сию минуту нужно делать все, что в твоих силах».

Он — делает:

...собрал молодых актеров, поверивших ему и пошедших за ним, и ни разу не обманул их веру;

...привлек к работе талантливых мастеров — режиссеров Александра Варсегяна и Льва Пресмана, композитора Арнольда Святогорова, хореографа Аллу Рубину;

...переманил из «большого» оркестра скрипачей-виртуозов Наума Фельдмана и Якова Пекермана (ну какой же еврейский театр без скрипки!) — их фантазийно-насмешливый стиль игры удовлетворил бы вкусы самого взыскательного маэстро;

...«выбил» ставку педагога по языку: идиш изучают русские, украинцы, армяне, которых в коллективе половина, и еврей — они, увы, тоже не знают языка;

...пригласил москвичку Марию Котлярову, чей творческий путь начинался в ГОСЕТе у великого Михоэлса на должность консультанта, чтобы в

спектаклях — упаси Бог! — не было клюквы.

Мельский — принципиальный сторонник классической еврейской культуры, поданной без дешевой экзотики. Его привлекают общечеловеческие проблемы, показанные парадоксально и гротесково. Синтетичность музыкально-драматического театра дает возможность ставить высокую драму («Кровавая шутка, или Трудно быть евреем» Шолом-Алейхема), зонг-оперу («200 тысяч» его же), карнавальное представление «Фрейлехс», показывать «Вечер еврейской музыки и балета» («Классический еврейский балет? А разве есть такой?» — удивлялись многие). Осенью 91-го в Киеве прошли Дни памяти трагедии Бабьего Яра, к ним «Мазлтов» приурочил скорбную ораторию «Плач».

В труппе все делают всё: сегодня артист играет главную роль, завтра выходит в массовке или изображает «шум за сценой». Худрук пресекает любые симптомы «звездной болезни» и стремится строить цивилизованные отношения по европейским стандартам. Мельский отменил «присутственный» табель (от чего администрация в лице бухгалтера пришла в тихий ужас), оставив проблемы дисциплины на совести каждого, и самое страшное наказание для провинившегося — презрительное молчание обычно шумного «шефа».

В коллективе его уважают, выполняют просьбы без понуканий и подстегиваний, а вот городские власти не жалуют: упрям, неуступчив, не льстит, не бьет поклоны, оттого и получил кулуарное прозвище «белая ворона».

КОРОЛЯ ИГРАЕТ СВИТА, НО СВИТУ СОЗДАЕТ КОРОЛЬ

Сила Мельского — в единомышленниках, залог успеха «Мазлтов» — в их талантливости.

Хрупкая, тоненькая Алла Рубина — балетмейстер, что называется, от Бога. Она ставит танцы во многих музыкальных театрах страны, у нее есть возможность уехать «за бугор», а она одержимо работает с крошечной (девять человек) балетной труппой «Мазлтов», создавая миниатюрные номера-шедевры, такие, как «Девочка из гетто», «Юдифь», «Художник». Репетирует в малоприспособленных помещениях — у театра по сей день нет своего здания, за аренду спортивного зала он платит бешеные деньги

(в прошлом году — 90 рублей в час. Сколько попросят в нынешнем?).

«Я родилась здесь, — говорит Алла, — здесь и останусь, так мне на роду написано. И буду стараться приносить добро людям с помощью искусства, в наше смутное время — дефицит и первого, и второго. Ношусь с дикой мыслью — привить актерам идею самопожертвования: болото, в котором мы живем, надо осушать. И если не мы, то кто же этим займется? Преклоняюсь перед творческим азартом моих учеников, перед их всепожидающим желанием работать. Разве можно их обмануть?»

А что побудило 80-летнего Льва Пресмана, «вечного Эдвина» Киевской оперетты, взвалить на свои плечи всю черную работу с артистами драмы?

«Я счастлив, что дожил до открытия еврейского театра, — ответил Лев Маркович. — Мы живем на украинской земле, корни у нас общие, и в культурах наших народов много общих черт. На спектакли «Мазлтов» приходят те, кто любит искусство, — в зале сидят и русские, и украинцы. Да кто придумал делить зрителей по национальному признаку? Во время гастролей в Санкт-Петербурге пришлось дать четыре дополнительных спектакля — столько было желающих. Высшая награда для артиста — табличка над кассой «Все билеты проданы». А мы за редким исключением всегда играем с аншлагами».

Есть еще одна причина моего прихода в «Мазлтов», — продолжал Пресман. — В его репертуаре — веселые спектакли, особым успехом пользуется «Фрейлехс», в основе которого — легендарная постановка московского ГОСЕТа. Считаю такую тенденцию оправданной: люди замучены, издерганы, пусть хоть у нас отдохнут и расслабятся».

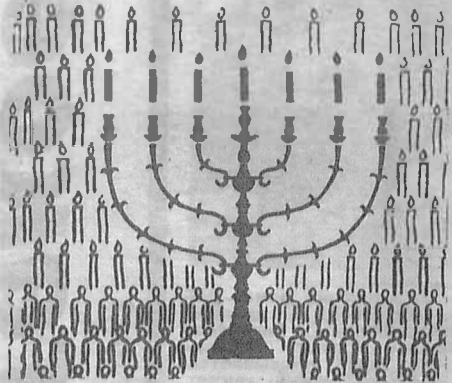
В труппе «Мазлтов» — выпускники театральных институтов, студий, хореографических училищ. Отбор был жесткий, конкурс — строгий, главный критерий — уровень мастерства. А потом разбирались с «недрами человеческих душ»: нерадивые, лентяи, корыстолюбцы (попадались и такие) быстро уходили сами, тем, у кого не ладилась работа, помогали всем миром. Постепенно вокруг Мельского сплотилась команда единомышленников. Одни, как, например, Светлана Барандич, работают в театре со дня основания, другие, как Александр Вилков, только пришли (новичков сразу выпускают на сцену с «полнокровной»

ролью), третьи, как Влад Попко, обихаживались, уходили и возвращались.

«Здесь страшно интересно работать, — говорит Влад, — атмосфера замечательная: нет склок, интриг, подсиживаний. Зато есть творчество, которому все подчинено. Мы стремимся создавать характеры, а не играть национальную принадлежность персонажей. «Мазлтов», неся, как говорили раньше, «культуру в массы», играет еще и большую просветительскую роль. А там, где есть культура, нет и не может быть места для национальных конфликтов, нет почвы для антисемитизма».

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Коллективу «для полного счастья» не хватает сущего «пустыка»: твердой земли под ногами и собственной крыши над головой. Четвертый год театр скитается по разным (очень престиж-

ным) площадкам, репетирует там, куда пускают. Декорации хранятся Бог весть где, костюмы и реквизит — на квартирах артистов.

«Мы существуем не благодаря ситуации, а вопреки ей, — считает Мельский. — С нами понимающе и сочувственно разговаривают, даже что-то обещают, но ничего не делают».

Правда, однажды театру выделили... бывший овощной склад. Устроили субботник, все выдраили, вычистили, не дом — куколка! А через несколько дней выяснилось, что на него выписано еще два ордера. И стоит бесхозный особнячок, разваливается на глазах, а актеры снова кочуют.

Вместе с ними переезжают уникальные выставки, которые театр показывает в фойе перед спектаклями. Одна включает документы, связанные с нашумевшим «делом Бейлиса» (к спектаклю «Кровавая шутка»), другая рассказывает о развитии еврейского искусства на Украине, в третьей представлена живопись еврейского авангарда — картины безвозмездно «одалживают» местные коллекционеры.

«Мазлтов» привлекает интеллигентностью, здесь делают все, чтобы создать публике ощущение праздника. Такой атмосфере способствуют изящные программки, оформленные с выдумкой и вкусом, идеальная слаженность спектаклей и такие «мелочи», как безукоризненные костюмы, скромные, но отлично выполненные декорации. И невдомек зрителям, что все держится на энтузиазме коллектива и помощи спонсоров — государство не выделяет театру ни копейки.

А он живет. Его приглашают на гастролы — уже не только по стране, но и за океан: в США, Мексику, он набирает силу, приобретает все большую известность.

Похоже, этого не знает министр культуры Украины Лариса Ивановна Хоролец: выступая в декабре перед депутатами республиканского парламента, она с сожалением отметила, что еврейского театра на Украине пока нет...

Елена ЗОНИНА.

КИЕВ.

● Сцена из спектакля «Кровавая шутка».

Фото Михаила Растегаяева.